

Осоргин Мих. Чехов о «неуклюжем» языке // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1939. 8 мая. № 9589. С. 3.

ЧЕХОВ О «НЕУКЛЮЖЕМ» ЯЗЫКЕ

Говорят: не следует быть слишком строгим к стилю современных молодых писателей и ставить каждое лыко в строку; это огорчает их и убивает в них энергию! Ошибки все делают, их не мало и у классиков, а придаться можно ко всякой фразе.

Я знаю только, что никогда не обижался на указания моих ошибок и что, всегда был благодарен за эти указания. Знаниями и опытом нужно делиться, а энергию усыпляют не добрые советы, а напрасная похвала. Впрочем, я еще никогда не встречал писателя, которого было бы можно убедить, что он пишет безнадежно плохо и что лучше бы ему совсем не писать. Если даже он поймет, что его стихи окончательно плохи, — он начнет писать прозу, хотя это гораздо труднее и требует гораздо больших знаний и большей культуры языка.

Придирался ли Чехов? Это было совсем не в его характере. А вот я приведу две фразы, которые он назвал «тяжелыми, как булыжники»:

«Он заходил ко мне два раза в продолжение получаса».

«На губах Ионы появилась долгая, несколько смущенная улыбка».

Тысяча читателей не заметит неуклюжести этих фраз, десятки писателей их напишут и оставят неисправленными. А между тем, Чехов, конечно, прав. В первой фразе громоздки «два раза» и «в продолжение», тяжеловат падеж «получаса» и неправильно «заходил» (вместо «зашел»). Легче: «За полчаса он зашел ко мне дважды». Нескладность второй фразы сам Чехов поясняет примером: «Нельзя сказать: «брызнул продолжительный дождь», так, согласитесь, не

годится фраза «появилась долгая улыбка».

Очень занятно отношение Чехова к иностранным словам в русской речи. Он пишет Горькому (1899 г.): «У других авторов такие слова, как, например, «фаталистически» проходят незаметно, но ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит благим матом. Конечно, тут дело вкуса... Я мирюсь в описаниях с «коллежским ассессором» и с «капитаном второго ранга», но «флирт» и «чемпион» возбуждают, когда они в описаниях, во мне отвращение».

Ему же: «Еще совет: читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов. У вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобратся и он утомляется. Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву»; это понятно и не задерживает внимания. Наоборот, неудобопонятно и тяжело для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел безшумно, робко и пугливо оглядываясь». Это не сразу укладывается в мозг, а беллетристика должна укладываться сразу, в секунду».

Чехов отлично умел давать советы; но сам мало почерпнул из критики других. «Я двадцать пять лет читаю критики на мои рассказы, а ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышал... Только отнажды, Скабичевский произвел на меня впечатление... он написал, что я умру в пьяном виде под забором...».

Мих. Осоргин.